

1989

● Бернхард Минетти в роли Креппа.

ДНИ ТЕ

Молчание НОЧИ

Бернхард Минетти

в спектакле

«Последняя лента» С. Беккета

Соб. Кривычуря - 1989 - 31.08.89 - с. 6

В малом пространстве дощатой садовой беседки, в неярком свете единственной лампы над горшками с кактусами он появляется — неестественно высокий, не входит, а как бы вползает из синевы ночи в дощатую, деревянную тесноту. Почти бесплотный, с прямоугольными плечами, он делает лишь несколько шагов навстречу к нам и превращается в фигуру вполне реальную — старика в узком, до пят, выцветшем в бесконечности лет пальто, в фуражке с большим сломанным козырьком.

За пятьдесят минут спектакля он совершит совсем немного действий.

Дважды подыметесь от стола, чтобы полить из лейки кактусы. Дважды попытается запеть и оборвет, не окончит музыкальную фразу. Тронет пальцами диковинный и тугой цветок чертополоха, то ли осязая в последний раз, то ли прощаясь, то ли лаская. Вытащит из стопки в углу магнитофонные записки. А остальное время будет сидеть и слушать, большой рукой пригибая ухо к звучащему магнитофону. Он будет слушать себя, прежнего, сильного и молодого, слушать прошлое, голос из страшной дали прожитых лет.

Бернхард Минетти будет слушать свой собственный голос, записанный десятилетия назад, ибо к роли Креппа из пьесы С. Беккета «Последняя лента» старейший актер Западной Германии возвращался неоднократно.

Всего мало в этом спектакле — слов, которые положено сказать герою, поступков, перемещений предметов обстановки, даже света, небеспокоящего, неяркого. И много пауз, много тишины, на зрителя воздействующей, его подчиняющей.

Зоны тишины, непривычно обширные для нас, в последние годы приученных к театру динамичному и громкоголосому, постепенно распространятся на зал, продиктуют, хоть и не без внутреннего сопротивления присутствующих, особые правила восприятия. Текущий и разнообразный поток реакций Креппа — Минетти, не повторяющихся бесконечно разнообразных вслушиваний потребует от нас особого внимания и тишины.

Обыкновенный кашель, естественный и неизбежный в нынешнюю промозглую московскую зиму, прозвучит в зале едва ли не нарушением приличий.

Мы окажемся в особом теат-

ре, где слово, запечатленное на пленке, беглая, лишенная особых красок уверенная речь молодого, полного надежд человека, окажется побежденным, спасует перед богатством и сложностью рожденных им бессловесных эмоций. Жизнь души актер расскажет средствами простейшими, для театра вечными и необходимыми, в самодовлеющем утверждении слова, текстового обилия как бы забытыми, отодвинутыми на второй план.

Это будет игра глаз — безжизненных, погасших, мир отгораживающих, но не пропускающих в себя. Глаз, то скрытых за опущенными веками в последней старческой усталости, то вдруг вспыхивающих жизнью, былой цепкостью и зоркостью, огнем минувших страстей, грехов, утех.

Это будет игра лица — то равнодушно-отрешенного, то мучающегося мукой давнего воспоминания о матери, умершей в бедности, в придорожной канаве, то оживающего вместе с памятью о дашней любви, о широкой реке, о женщине в лодке.

В пятьдесят минут спектакля Драматического театра из Франкфурта-на-Майне, оформленного и поставленного Клаусом Михаэлем Грюбером (в сотрудничестве с Эллен Хаммер), вместится цельный и плавный рассказ о человеческой жизни. Громадный (по свидетельствам хорошо знающих Минетти — неистовый) темперамент актера, давшего немецкой сцене Гамлета, Макбета, Лира, Несчастливцева, заявит о себе в невиданной сосредоточенности, в абсолютной свободе и независимости от внешнего воздействия. Мы увидим человека наедине с собой. Мы будем присутствовать при чем-то бесконечно интимном. Наполненное, без обрывов и пустот, существование актера свяжет в целое краткие в недосказанности новеллы жизни, запечатленные на пленке. Лишь в самом финале герой Минетти попробует с помощью обычных слов подвести итог прожитому. Он поставит новую ленту. Он будет искренним в своем желании «успеть сказать» важное и нужное. Но, едва начав, оборвет себя. Гневно бросит магнитофонную ленту в угол, поняв неместимость скорбного и радостного итога жизни в формулы слов.

Крепп — Минетти уйдет со сцены в молчании, унося с собой тайну и знание прожитого, не оскорбив словом прощания с жизнью.

В. МАКСИМОВА.